

разума. Теперь я смотрю на людей и говорю: вот этот человек хороший, а этот человек плохой. А болгарин он ил грек - это мне безразлично» [3, с. 245].

Имя Зорба стало нарицательным в Греции и во всем мире. Оно означает жизнерадостность, мудрость, а также неумную энергию.

Источники и литература:

1. The Nikos Kazantzakis Files [Электронный ресурс] / Cultural Olympiad / Society of Cretan Historical Studies CD-ROM Windows 98/2000/NT/XP.
2. Пинский Л. Е. Испанский плутовской роман и барокко / Пинский // Вопросы литературы. – 1962. – № 7. – С. 130–153.
3. Казандзакис Н. Грек Зорба / Никос Казандзакис. [пер. Е. Мирошниченко] – М. : София ; Гелеос, 2003. – 464 с. (Серия «Игра в бисер»).

Баранская Е.М.

УДК 82.09.161.1/161.2

«Я ТОЧНО ЛИЧНОСТЬ БЕЗ ЛИЦА»: К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО

Аннотация. В статье представлены историко-литературные и психологические мотивировки житнетворческих установок Я.П. Полонского как в творчестве, так и в «литературной» биографии. Основопологающим является вопрос о роли событийно-биографического фактора в художественном творчестве, в частности, взаимозависимости характера лирического героя и литературной личности автора, и шире – ретроспективного конструирования историко-литературного образа. Внимание сконцентрировано на зрелом периоде творчества Я.П. Полонского (1870 – 1890-е годы).

Ключевые слова. биография, житнетворчество, литературная личность, литературно-исторический образ, ретроспектива.

Анотація. В статті наведені історико-літературні та психологічні мотивування життєтворчих настанов Я.П. Полонського як у творчості, так і в «літературній» біографії. Головним є питання про роль дієво-біографічного чинника в художній творчості, зокрема, взаємозалежності характеру ліричного героя та літературної особистості автора, і більш широко – ретроспективного конструювання історико-літературного образу. Увага сконцентрована на зрілому періоді творчості Я.П. Полонського (1870 – 1890-і роки).

Ключові слова. біографія, життєтворчість, літературна особистість, літературно-історичний образ, ретроспектива.

Summary. The article deals with the historical-literary and psychological motivations of Y.P. Polonsky's life-creation attitudes in his works as well as in his «literary» biography. The fundamental issue is the role of event and biographical factor in artistic creation, in particular, the nature of the interdependence of the lyrical and literary personality of the author, and in the broader meaning – a retrospective construction of historical and literary image.

The attention is focused on the mature period of Y.P. Polonsky's creativity (1870 – 1890s), when the artistic image of the poet is recognizable, has well-established features, and his literary reputation is undeniable. However, the peculiarity of the creative method of Y.P. Polonsky's mature period is «experiencing the past». The reflective nature of his work is obvious («To I.S. Turgenev», 1879 (under the title «Old message»); «At the door», 1888). Hence the frequency of the motives of previous years in Y.P. Polonsky's lyrics, united by the themes of love, dreams, sleep and night, enjoying the natural world. Substantial transformation is associated with the evolution of the lyrical hero, who is the same age as the poet.

Another process is also emphasized «the struggle of poetry and prose» (Y.I. Eichenwald) in Y.P. Polonsky's mature years.

Stylistic and ideological transformation of Y.P. Polonsky's mature lyrics is due to psychological and characterological traits of his personality – personal kind-heartedness, resulting in Polonsky's creative response to the socio-historical events («About him», 1871 (subsequently entitled «About N.A. Nekrasov»); «In memory of S.Y. Nadson», 1887, «In memory of V.M. Garshin», 1888).

Keywords. biography, life creation, literary personality, literary-historical image, retrospective.

Постановка проблемы. Жизнь, личность, творческое наследие поэта XIX века Я.П. Полонского изучены недостаточно, что, при несомненной уникальности писательской личности и судьбы поэта – истолкователя «поэтических моментов жизни человеческой», отзывчивого на текущие процессы истории, – представляет научную перспективу.

Вопрос о роли событийно-биографического фактора в художественном творчестве, в частности, взаимозависимости характера лирического героя и литературной личности автора, и шире – ретроспективного конструирования литературно-исторического образа¹ составляет одну из центральных

¹ Литературно-исторический образ писателя – это целостный комплекс научных (читательских) представлений об оригинальности его творчества и месте в развитии национальной и мировой литературы, о личном значении в исторической и общественной жизни государства, о его судьбе и индивидуально-психологических особенностях. Формирующийся при жизни художника литературно-исторический образ существенно дополняется последующим научным анализом его художественного наследия, мемуарными свидетельствами современников, обогащается фактами из опубликованных посмертно автобиографических документов.

проблем современного литературоведения. **Научно-теоретическую базу** работы составили труды М.М. Бахтина, А.И. Белецкого, В.В. Виноградова, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Л.А. Ореховой, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и др.

Анализ литературы. Мы опирались на поэзию и философско-эстетическое наследие поэта. Привлечены дневниковые записи, эпистолярно-мемуарные свидетельства поэта и его современников (А.А. Фета, И.С. Тургенева, М.М. Стасюлевича, А.П. Чехова, Н.Н. Страхова), а также литературная критика и периодика дореволюционного времени – второй половины XIX в., рубежа XIX – XX вв. (В.А. Гольцева, А. Круковского, Л.И. Поливанова, Н.М. Соколова, Ю. Никольского и др.), архивные материалы (Я.П. Полонский, Д.Д. Языков). В арсенале исследования критико-литературные работы о Я.П. Полонском XX в. (Ю.И. Айхенвальд, С.С. Тхоржевский).

Цель статьи: представить историко-литературную и психологическую мотивировку житнетворческих установок Я.П. Полонского зрелого периода творчества (1870 – 1890-е гг.) с целью максимально приблизиться к объективному представлению о литературной личности поэта.

Задачи: 1) проанализировать особенность творческого метода Полонского зрелого периода («переживание прошедшего»); 2) акцентировать процесс «борьбы поэзии и прозы» (Ю.И. Айхенвальд) в зрелом творчестве Полонского, рефлексию; 3) проследить поэтическую реализацию психолого-характерологических особенностей личности поэта в 1870 – 1890-е годы.

На период 1870 – 1890-х годов художественный облик Я.П. Полонского узнаваем и характерологически очерчен, его поэтический талант интересен и полемичен в критике современников, его литературная репутация авторитетна: «один из образцовых, классических» поэтов (Н.Н. Страхов). В подтверждение достаточно привести подборку критико-литературных работ о Я.П. Полонском, написанных при его жизни (Н.Н. Страховым (1870), Н.К. Михайловским (1878), К.К. Арсеньевым (1885), Е.М. Гаршиным (1887), Л. Оболенским (1887), Н.М. Соколовым (1890), В.С. Соловьевым (1890, 1896), С. Весиним (1893) и др.) и на рубеже XIX – XX вв. – как правило, панегирики таланту почившего поэта (В.А. Гольцева, 1899; Д.Н. Михайлова, 1900; М.Г. Халанского, 1900; Л. Бельского, 1901; А.С. Кашпурева, 1901). Примечательно, что в очерках В.С. Соловьева (1898), Е.Ф. Будде (1899), Ф.А. Витберга (1899) содержатся указания на эволюцию художественного мировоззрения Полонского, преобразование его лирического героя. Однако все мнения сводятся к общепринятой оценке образа «поэта-философа» (В.А. Гольцев), наделенного «некоторой двойственностью» души (Ф.А. Витберг). Как подчеркивал Л.И. Поливанов в предисловии к сборнику Я.П. Полонского «Вечерний звон» (1887 – 1890), «дело поэта – воплощать красоту взамен всех других изменчивых мечтаний» [13, с.10-11]. В исследовательском подходе начала XX века (статьи Б. Садовского, 1906, А. Круковского, 1909) наметился хронологический подход к изучению творчества Полонского. Первый период (начало 1840-х – конец 1850-х гг.) ознаменован, писал Б. Садовской, «созданием лучших творений»; во втором, позднейшем, замечается «гибельное влияние чуждых искусству задач» – «упадок творчества» [14]. А. Круковский (более осторожный и объективный в оценке) настаивал на необходимости «историко-литературной перспективы» [10].

Восприятие современниками раннего Я.П. Полонского в эмоционально-психологическом плане почти идентично: «несомненный и оригинальный» талант в восприятии А.А. Фета, «необычайно одаренный лирик» для А.А. Григорьева и «человек с талантом» для Н.М. Языкова (1844). Его «свежестью лиризма» восхищался Н.В. Гоголь. В.Г. Белинский («Русская литература в 1844 году») отмечал у Полонского наличие «чистого элемента поэзии», который делает «человека поэтом», при этом концептуально формирующее значение отводил творческой личности: «натура» поэта должна быть «выдающейся», всеохватывающей – «непосредственным источником» направления и идей поэта [7, т.8, с.474]. Объединяющей категорией становится личность Я.П. Полонского. А.В. Дружинин («Стихотворения Я.П. Полонского», 1855) связывает особенности поэзии Полонского со свойствами его личности: «истолкователь светлых ощущений души человеческой», в произведениях его «большая часть его жизни» [9, с. 14]. Литературная личность Я.П. Полонского формировалась в духе романтического субъективизма.

Современная Полонскому критика рассматривала его поэзию в безусловном отношении к авторской личности; стихотворения закрепляли представление о «затекстовой» личности поэта (Н.Н. Страхов, Д.Н. Михайлов). Вопрос о литературной личности интересовал и Я.П. Полонского – еще в начале 1860-х гг. (период сотрудничества в «Русском слове»). В 1896 г. он возвращается к данной проблеме в статье «Л.А. Мей как человек и писатель» (1896), настаивая на узнаваемости писательского лица по совокупности художественных произведений. Для Полонского отождествление творческой личности с созданным ею образом лирического героя естественно: «поэтические личности» угадываются «сквозь призму ими созданных, живых поэтических образов». Поэтическая личность вырисовывается из лирического разговора «от себя, от своего лица», «где лирическое сливается с личным, с образом нравственных убеждений, душевных страстей, затаенных стремлений и проч.» [3, с. 64] – раскрывает скрытую сторону реального образа писателя.

Вопрос о «затекстовом» авторе – с точки зрения ответственности его за нравственное содержание произведения – поднимал Н.К. Михайловский. Со сходных позиций анализировал лирику Я.П. Полонского Н.М. Соколов (1899), считая, что личность поэта «сквозит» в поэтическом образе, в «переходе настроения», а «биографические черты» остаются на втором плане, поскольку редко соответствуют художественному идеалу: «Личность поэта и живые черты его образа сливаются в одно неделимое целое» [15, с. 5, 6-7].

В 1870 – 1890-е гг. линия поведения в литературе и жизни Я.П. Полонского – простота и мечтательность. Отличительная черта его поэзии – «простота задушевного чувства» (В.С. Соловьев). При этом наблюдается несомненная содержательная трансформация его зрелой лирики, стилистические и мировоззренческие подвижки, при общей тенденции узнаваемости уютного, домашнего певца лирических чувств и переживаний.

Оценки современников варьировались от признания бесспорного, «прирожденного» (Н.Н. Страхов) поэтического таланта Я.П. Полонского (А.А. Григорьев, Г.П. Данилевский, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, Н.А. Добролюбов, И.И. Панаев, А.В. Дружинин, А.С. Суворин и др.) до иронического (Е. Тур, Н.К. Михайловский) и вовсе отрицательного восприятия поэта (В.П. Буренин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.И. Писарев, поэты-«искровцы»).

Обилие откликов современников на нюансы поэтического таланта Полонского лишь подтверждает бесспорность его литературной славы, которая во многом базировалась на его человеческих качествах и человеческих чертах его всеобъемлющей, благожелательной натуры. Сам Я.П. Полонский в 1870-х гг. признавался в слабости «славолюбия»: «У меня нет ни сребролюбия, ни чиновлюбия, ни честолюбия, ни властолюбия, ни сластолюбия – надо же живому человеку хоть какую-нибудь страсть иметь» [19, с. 312]. Поэт болезненно переживал невнимание к его творческим заслугам, уничижительное отношение к писательскому авторитету. (Примером может служить книга Эрвина Бауэра, в которой не было упомянуто имя Полонского, и болезненная реакция поэта на русскую рецензию книги Булгаковым в «Новом Времени» (29 марта 1890)).

Полонский-поэт и Полонский-человек, бытующий в разнородных социальных, политических и литературных сферах, пытался примирить, синтезировать воедино разноликие явления современной ему действительности в силу все той же широты и простоты его натуры, руководствуясь задачей высокого служения поэзии человеку. Стремление «быть только самим собой» [1, с. 1], быть «человеком», не принадлежать никому, чтобы принадлежать всем, кому понадобится, не признавать себя «ни нигилистом, ни либералом, ни ретроградом» [1, с. 340], быть отвергнутым всеми, чтобы снискать признание каждого из них, быть полезным каждому – грандиозная задача, решения которой Полонский с завидным упорством достигал всей жизнью и в какой-то степени достиг, чему свидетельством хотя бы «пятницы» Полонского 1880-х гг., нравственная атмосфера которых, по уверениям А. Амфитеатрова, равняла всех, «взаимно чуждых всюду» [19, с. 340]. В 1872 г. Полонский в письме М.М. Стасюлевичу в ответ на отказ публикации стихотворения «Блажен озлобленный поэт...» (первоначальное название «Мы и поэты») оправдывался не слабостью характера, но его многомерностью, избытком: «Никому я вполне угодить не в силах, – никакая редакция не станет печатать всего того, что мне вздумается написать, – каждая непременно хочет... процедить меня. – Может ли при этом сохраниться личность или характеристические черты писателя? Едва ли» [17, с.501]. Ему удается создать всеми узнаваемую литературную личность и имя благодаря главной черте характера – «уживчивости» (Я. Полонский).

В 1880 – 1890-е гг. пресса широко освещала заслуги Я.П. Полонского перед наукой, его служебные продвижения: с 1886 г. – член-корреспондент Академии наук, с 1896 г. – член совета Главного Управления по делам печати [5, № 57]. В декабре 1895 г. пышно праздновался юбилей Я.П. Полонского: газета «Новое время» известила о 75-летней годовщине со дня рождения «нашего маститого поэта Я.П. Полонского» [5, № 53], которому «от лица беллетристов и поэтов, депутацией из восьми человек, был поднесен приветственный адрес». В адресе восхвалялись достоинства «престарелого» поэта (Н.Н. Страхов), однако, заметим, с позиций его былых заслуг и в выражениях, соответствующих раннему периоду литературной деятельности: «Ни время, ни недуги не имеют силы не только разрушить, но даже сколько-нибудь ослабить поэтическое творчество славного нашего поэта, и Полонский своих молодых лет с чистотой души, свежестью и энергией благородных порывов <...> остается таким же Полонским и в той почтенной старости, до которой дано ему было дойти и продолжения которой еще на многие лета желают все, кому он дорог и как человек, и как писатель» [5, № 51]. Зрелый слог Полонского будто существует «наработками» юности. И в приветственном стихотворении, прочитанном В.Л. Величко, подмечена эта специфика неизменности: «Что все недуги, все морщины, / Когда струится с вещей струн, / И в пору зимней годовщины, / Весенний стих, могуч и юн <...>» [5, № 51].

Писательский профессионализм Я.П. Полонского поддерживает его литературное имя, однако не способствует новизне впечатлений. Поэт неоднократно прибегает к дублированию своих «прежних» чувств. Так, в 1851 г. Полонский написал стихотворение «Неизвестность», а в 1888 г. переработал его и издал под заглавием «У двери». Если в 1851 г. еще можно было предположить «живость» чувств поэта, то в 1888 г. – «вторичное» конструирование возможных либо некогда существовавших переживаний, ныне – без участия сердца, что проявляется даже в лексике стихотворения. Сравним обе его редакции: «Вечор я вспомнил грустную / Подругу прежних дней», – писал поэт в 1851 г., переживая свежее, осязаемо тревожное чувство («Неизвестность»). В 1888 г. лирический герой вспоминает, как «однажды в ночь осеннюю» в нем «проснулась страсть мятежная». С тех пор прошло много времени, и он, «как потерянный, / Куда ни заходил, / Все было пусто, холодно... / Чего-то – след простыл...» («У двери»). Разумеется, это не упрек Полонскому, но такова природа его таланта: воспоминание, переживание прожитого. Стихотворение «У двери» поэт посвящает А.П. Чехову (знакомство их состоялось на одной из «пятниц» Полонского, в декабре 1887 г.), испрашивая у него разрешение на это 8 янв. 1888 г.: «Оно будет помещено в журнале «Север» и, как мне кажется, более всего подходит к вашим небольшим рассказам или очеркам. Очень бы желал, чтобы его стихотворная форма была так же хороша и колоритна, как ваша проза» [2, т.1. с.456].

Чехов благодарил (18 янв. 1888 г.) и просил позволения на ответное посвящение (рассказ «Счастье», 1887): «Ваша ласка меня тронула <...> «У двери» имеет для меня еще особую цену: она стоит целой хвалебной критической статьи авторитетного человека, потому что благодаря ему я в глазах публики и товарищей вырасту на целую сажень» [20, с.171-172].

Стихотворение «И.С. Тургеневу» («Огонек», 1879, № 24, под загл. «Старое послание») также было задумано ранее, безотносительно к событиям настоящего. Полонский описывает парижский оперный театр, И.С. Тургенева, его влюбленность в П. Виардо, поклонение ее таланту:

Она вошла – она поет <...>
Ты замер... Сладко замирать,
Когда, как бы ожив, опять
Пришла любовь с тобой страдать –
И на груди твоей трепещет...
Ты молча голову склонил,
Как юноша, лишенный сил... [2, т.1, с. 217-218].

Однако в ответ на стихи И.С. Тургенев упрекал Я.П. Полонского 19 апр. 1877 г.: «Твое стихотворение <...> возбудило во мне глубокую унылость <...> Ты забываешь, что мне 59-ый, а ей 56-ой год; не только она не может петь – но при открытии того театра, который ты так красиво описываешь, ей, той певице, которая некогда создала Фидес в «Пророке», даже места не прислали: к чему? Ведь от нее уже давно ждать нечего <...> Душа моя, мы оба – два черепка давно разбитого сосуда» [18, т. 12, с.568].

«Переживание прошедшего» – специфика творческого метода Полонского – связана с осмыслением поэтического дара. «Сейчас же, – заметил Ю. Никольский, – суждения становились рассудочными. Появлялся психологизм, бессильный осветить существо художественной деятельности <...>» [11, с. 104]. И современники Полонского сочувственно наблюдали эту слабость его поэзии, «рефлективный зуб», как говорил А.А. Фет. И.С. Тургенев старался объяснить: «Всякий, даже поверхностный читатель легко заметит струю тайной грусти, разлитую во всех произведениях Полонского <...> В ней чувствуется некоторое недоверие к себе, к своим силам и жизни вообще; в ней слышится отзвучие горьких опытов, тяжелых воспоминаний» [11, с. 104]. Я.П. Полонскому самому очевидна рефлективная природа его творчества. «Моя поэзия не без примеси рефлексии, – говорил он. Либо: «В мой фонтан примешалась какая-то горьковатая, а подчас и мутная струя рефлексии» [11, с.104]. Заметим, что еще в 1845 г. В.Г. Белинский в отзыве на сборник «Стихотворения 1845 года» подметил склонность Полонского «к умничанью и хитрым рефлексиям» [7, т.9, с. 598]. «Пристрастие к рефлексии <...> вредит цельности и определенности настроения», – анализировал поэзию Полонского А. Круковский. Потому из произведений первой половины литературной деятельности, резюмировал критик, «читатель выносит впечатление большей цельности <...> но там, где приходится разбираться в отдающих рефлексией образах поэта, синтез уступает место анализу, подчас слишком дробному» [10, с. 25].

Ю.И. Айхенвальд наблюдал и другой процесс – «борьбу поэзии и прозы» [6, с. 75] в зрелые годы Я.П. Полонского: «Светлые подъемы духа застилаются у него серой пеленою какого-то внутреннего мещанства; по большей части он пишет в будни» [6, с. 75]. Разумеется, «будни» – выражение образное, дающее возможность представить поэта в процессе творчества: «Уж про Полонского никак нельзя сказать, что он творил торжественно и облачался для этого в какие-нибудь священнические одежды; он совсем не жрец. Напротив, на его стихах лежит печать домашности, какого-то художественного неглиже, в котором он и принимает своих читателей. Оттого между ними и поэтом сразу устанавливается интимная связь <...> Полонский <...> производит впечатление давнишнего и доброго знакомого <...> Перестаешь его стесняться, – но зато приход его не перестает ли быть и праздником?» [6, с. 74-75, 76].

Я.П. Полонский – неلابильный поэт. Он свободен в стиховом выражении высоких красот, нежных чувств – в русле романтизма. Его лирический герой благороден, добр. Изменения, которым он подвержен, имеют диалектическую природу, однако внутреннее чувство романтизма никогда не покидает его. «Для его лучшего сознания красота и поэзия не могла уже быть пустым обманом [16, с. 320], – подчеркивал В.С. Соловьев. Романтическая мечта Полонского – по-прежнему, воображаемый образ возлюбленной, вечной красоты («Царь-девица», 1876): «С той поры ее печати / Мне ничем уже не смыть, / Вечно юной царь-девице / Я не в силах изменить...» [2, т.1, с. 208].

Мечта не согласуется с «бездушной суетой» жизни, «ее пугает холод» («У окна», 1876) – она уходит в прошлое. Не случайна повторяемость мотивов прежних лет, объединенных темами: любви («Холодная любовь», 1884; «Старик», 1884; «К портрету», 1885; «У двери», «Для сердца нежного и любящего страстно...», 1888; «Когда в наш темный сад вошла ты привиденьем...», 1891; «Вот и ночь», 1892; «В новый дом», 1893), мечты («Гомит предчувствием болезненный покой...», 1885; «Зимой в карете», 1889), сна, ночи («Вечерний звон», 1890; «Тени и сны», 1891; «В потемках», 1892), наслаждения природным миром («В дни, когда над сонным морем», 1875; «У окна», 1876; «На закате», 1877; «Любя колосьев мягкий шорох...», 1882; «В засуху», «В хвойном лесу», 1888; «Зной, и все в томительном покое...», «В гостях у А.А. Фета», «На пути», 1890). Содержательная трансформация связана с эволюцией лирического героя. Лирический герой Полонского – его ровесник, этим и объясняются разночтения в трактовке героев ранней и поздней лирики поэта. У престарелого Полонского впереди – смерть, без надежды на отсрочку. «И вот одно осталось мне: Закрыть глаза, любить и ненавидеть Бесплодно, смутно – как во сне!» («Еще не все мне довелось увидеть...», 1898). Надежды, волнения – все позади; в настоящем – воспоминания:

И любя и злясь от колыбели,
Слез немало в жизни пролил я;
Где ж они – те слезы? Улетели,
Воротились к Солнцу бытия.

Чтоб найти все то, за что страдал я,
И за горькими слезами я
Полетел бы, если б только знал я,
Где оно – то Солнце бытия?..

«И любя и злясь от колыбели...», 1898 [2, т. 1, с.268].

Ожидание наполненной жизнью чудесной ночи – во сне: «Приходи, святая тень! / Я к ночи сердцем легковерней, / Я буду верить как-нибудь, / Что ночь, гася мой свет вечерний, / Укажет мне на звездный путь» [2, т.1, с.257] («Вечерний звон», 1890); «Я свечи загасил, и сразу тени ночи, / Нахлынув, темною толпой ко мне влетели <...> / Таинственно они мигали и шептались: / «Вот он сейчас заснет, сейчас угомонится... / Давно ль мы страшным сном счастливица любовались, / Авось веселый сон несчастному приснится [2, т.1, с.261] («Тени и сны», 1891).

Только во сне может теперь лирический герой Полонского «и трепетать, и верить», только во сне «он свеж и молод». Но «тени» былого, умчавшись в ночь, уведут за собой «призраки счастья», оставив лишь сожаление о прошедшем – «поблеклые цветы весенних вожделений». Лирический герой оказался наедине с «житейским холодом». И не ему теперь принадлежит милость погасить лампаду в окне возлюбленной, он – лишь молчаливый почитатель, который «слышит смех влюбленных» над его «смешной слезой». «И как тень, с ее порога / Поднялся он, чуть дыша... / Утомился ли он медя, / Опоздал ли он спеша?...» [2, т.1, с.261] («Вот и ночь...», 1892).

Но было бы принципиальной ошибкой считать, опираясь, например, на эту подборку стихотворений, что лира Полонского в 1870 – 1890-е гг. звучит лишь разочарованно и печально. Напротив, поэт не прекращает творить до последних дней, он видит себя в служении людям, обществу: «Поэт и гражданин, он призван был учить, / В лохмотьях нищеты живую душу видеть, / Самоотверженно страдающих любить / И равнодушных ненавидеть» («Поэт и гражданин», 1878) [2, т.1, с.223]. В поэзии Полонского, наряду с пессимистическими, трагическими мотивами, звучит сильное мироутверждающее начало, проявляющееся в вере в идеал. Отсюда и личная всеотзывчивость, обуславливающая отклик Полонского на общественно-исторические события. Его отличает высокое сочувствие, сопереживание беде, утратам других, проникновение в трагедию иных творческих личностей. В этом плане его посвящения литераторам характеризует не только тех, кому они предназначены, но и самого Полонского. Так, в сложнейший для Н.А. Некрасова период (после оды М.Н. Муравьеву) Полонский, несмотря на резкие перепады в отношениях, откликнулся стихотворением «О нем» (сб. «Сноп», 1871), впоследствии названном «О Н.А. Некрасове», где представляет Некрасова поэтом-гражданином, а все толки о нем клеветническими.

Однако Полонский, обласканный литературной стабильностью, был искренен, когда писал о своей драматической судьбе, одиночестве – он пришел к прочувствованным философским обобщениям. В стихотворении «Памяти С.Я. Надсона» (1887, 19 янв.) Полонский отразил знакомую и понятную ему трагедию таланта, измученного жизнью и недугами. Он пишет о Надсоне, но высказывает мучительные для него самого мысли: «ум его не знал досуга», «рассудку не хватало слов <...> / И сердце жаждало стихов». В своей «дороге краткой» Надсон вкусил и «шум славы», и «гром рукоплесканий», «насмешку, холод и привет», не познал только радости бытия и остался в памяти людей «поэтом тревожных упований». Через год Я.П. Полонский рассказал о не менее трагической судьбе молодого В.М. Гаршина («Памяти В.М. Гаршина», 1888). Психический недуг – не единственная причина смерти писателя. «Болен» мир, в котором он жил: «В его глазах он был теплицей, / Где гордой пальме места нет, / Где так роскошен пустоцвет, / Где пойманной, помятой птицей <...> / Напрасно к свету рвется гений <...>» [2, т.1, с.245].

Именно эти стихотворения говорят о том, о чем в общем-то Полонский никогда не пишет, когда пишет о себе. А именно: трагедия таланта. Эта трагедия как будто бы не видна, когда у человека есть внешний блеск, внешний успех, особенно столь долговременный, как у Полонского – 60 лет творчества. У Я.П. Полонского было все: семья, друзья, относительное материальное благополучие, множество сборников, почитатели его таланта разных поколений, наконец, поэтическая популярность и салон. Но эйфории счастья Полонский, кажется, не испытал. Он не всегда мог делать, что хотел и как хотел. Возмущался непониманием – и смирялся перед фактом, что его не понимают. В своем многописании (а к этому вынуждала жизнь) не всегда был требователен к себе, и в этом была правда жизни и самая большая боль. «Он часто сам не знал, чего ему хотеть, к чему стремиться», – писал о Полонском Ю.И. Айхенвальд [6, с.86]. Осознание собственной нерешительности мучило Полонского: «Я точно личность без лица», «Я сам не знаю, где я еду <...> / Но каждый путь ведет к концу» [6, с.86]. Его личная трагедия отчетливо просматривается в письмах к А.А. Фету 1880 – 1890-х гг. Выборочно цитируем:

«Я тоже написал стихотворение, но – плохое, оттого-то оно и имело успех в публике. Среди таких забот и хлопот вдохновляться не было никакой ни физической, ни нравственной возможности. Наблюдал ли ты когда-нибудь публику <...> Ее не проймешь никаким художеством. Прочти ей лучшее стихотворение Тютчева или Пушкина, и публика – если и похлопает, только именам, а вовсе не потому, что пришла в восторг. А прочти ей нечто вроде ораторской речи в стихах <...> – восторг и гром рукоплесканий» [11, с.102].

«Насчет нас, поэтов, вынес я одно несокрушимое убеждение, что никого из нас Святая Русь не знает и знать не хочет – что всех наших так называемых поклонников следует считать десятками, много-много сотнями и что все они – капля в море. – Будут петь твою или мою песню и не будут знать. Что существовал

Фет или Полонский. Имена и лица еще могут интересовать у нас так называемую интеллигенцию, но не русский народ» [11, с.103].

«Со всех сторон когти и зубы! Так бы, кажется, и убежал! Но куда убежишь? Право, будь я один, без семьи, я бы так сумел спрятаться, что и ты бы не нашел меня. Верить ли, как иногда хочется уединиться и вдали от света досказать себя стихами или прозой, только чтобы до конца высказаться (забывши все, что волнует и мучит <...>)» (3 ноября 1891) [4, л.39].

Выводы. Предпринятое нами исследование в рамках данной статьи – лишь один из шагов на пути системного и последовательного движения к объективному представлению о художнике ушедшей эпохи. Все приведенные мысли – лишь штрихи, а не жесткие линии, и рисуют, скорее, противоречивый, нежели целостный, литературно-исторический образ Я.П. Полонского. Но нам важно было показать, как и какими средствами происходило становление этого образа, сколько душевных сил объективно забрало это у поэта. Убедительно лишь одно: он был талантлив, стал известен, жил исканиями. И самодостаточность, по-видимому, не была ему свойственна. Его трагедия – одиночество в толпе, трагедия, может быть, всякой творческой личности.

Источники литературы:

1. Полонский Я. П. Лирика; Проза / Я. П. Полонский. – М. : Правда, 1984.– 608 с.
2. Полонский Я. П. Сочинения: В 2-х т. / Я. П. Полонский. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 1: Стихотворения; Поэмы. – 493 с.; Т. 2: Признание Сергея Чалыгина; Женитьба Атуева; Воспоминания. – 463 с.
3. Полонский Я. П. Л. А. Мей как человек и писатель. (Из литературных воспоминаний). 1896 г., сент. / Я. П. Полонский. – РГАЛИ. – Ф. 191, оп. 1, ед. хр. 883. – Л. 60–67 (С. 105–119).
4. Полонский Я. П. Письма А. А. Фету. 6 писем. 1888 – 1892 гг. Рукописные копии / Я. П. Полонский. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 1, ед. хр. 26. – 48 л.
5. Языков Д. Д. Полонский Я. П. / Д. Д. Языков // Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц. – РГАЛИ. – Ф. 637, оп. 1, ед. хр. 19, ч. 1. – № 46–86.
6. Айхенвальд Ю. И. Полонский / Ю. И. Айхенвальд // Силуэты русских писателей. – Вып. II. – 2-ое изд. – М. : Научное слово, 1909. – С. 74–87.
7. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13-ти т. / В. Г. Белинский. – М. – Т. 8: Статьи и рецензии. 1843 – 1845. – 1955. – С. 430–488; Т. 9: Статьи и рецензии. 1846 – 1848. – 1956. – С. 279–359. – (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом)).
8. Гольцев В. А. Я. П. Полонский как поэт / В. А. Гольцев // Дело. – М.: Тип. А. В. Васильева, 1899. – С. 449–454.
9. Дружинин А. В. Стихотворения Я. П. Полонского / А. В. Дружинин // Современник. – СПб., 1855. – Т. 54. – С. 1–20.
10. Круковский А. Поэзия Я. П. Полонского / А. Круковский // Филологические записки. – 1909. - Вып. 1. – С. 1–27.
11. Никольский Ю. История одной дружбы. Фет и Полонский // Русская мысль. – М.-Пг., 1917. – № 5–6. – С. 82–127.
12. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза) : Учебное пособие / Л. А. Орехова. – К. : УМК ВО, 1992. – 96 с.
13. Поливанов Л. И. Вечерний звон. Стихи 1887 – 1890 Я. П. Полонского. Разбор Л. И. Поливанова / Л. И. Поливанов // Вечерний звон. Стихи 1887 – 1890 Я. П. Полонского. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1891. – 63 с.
14. Садовской Б. Поэзия Я. П. Полонского / Б. Садовской // Золотое руно. – М. : Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1906. – № 11–12. – С. 102–106.
15. Соколов Н. М. Лирика Я. П. Полонского. Критический этюд / Н.М. Соколов. – СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1899. – 99 с.
16. Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / В. С. Соловьев. – М. : Книга, 1990. – 574 с. – (Из литературного наследия).
17. Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке: В 5-ти т. / Отв. ред. М. К. Лемке. – Т. 3. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. – 791 с.
18. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28-ми т. / И. С. Тургенев / Письма: В 13-ти т. – Т. 12, кн. 1 : Письма. 1876 – 1878. – М.–Л. : Наука, 1966. – 760 с. – (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом)).
19. Тхоржевский С. С. Высокая лестница / С. С. Тхоржевский // Портреты пером / С. С. Тхоржевский. – М. : Книга, 1986. – С. 220–349.
20. Чехов А. П. Собрание сочинений: В 12-ти т. / А. П. Чехов. – Т. 11 : Письма. 1877 – 1892. – М. : Худож. лит., 1963. – 696 с.